

крестоносцев, они предложили план, принятый слишком легкомысленно и уничтоживший все надежды, какие возлагались на этот Крестовый поход.

В собрании бароны Сирии советовали переместить место нападения: «Соседство садов и реки, говорили они, препятствует выгодному размещению орудий». Христианская армия, в занимаемой ею позиции, может быть захвачена врасплох и подвергнется опасности увидеть себя окруженной врагами, без всякой возможности к защите; казалось более верным и более легким повести осаду города с южной и восточной сторон.

Большинство предводителей имело более отваги, нежели благоразумия: уверенность в победе заставляла их считать все возможным, сверх того, они не могли сомневаться в восточных христианах, которые были их братьями и для которых они предприняли войну. Опасение затянуть осаду принудило одобрить план, предложенный баронами Сирии. Переменив место атаки, христианская армия, вместо того чтобы пайти легкий доступ к укреплениям, увидела перед собой башни и неодолимые стены; к тому же, пространство, которое она занимала теперь, не предоставляло ей никаких средств: это была земля обнаженная и безводная. Едва крестоносцы расположились лагерем на новых местах, как город Дамаск принял в свои стены подкрепление из 20 тысяч курдов и туркоменов, решившихся защищать его. «Осажденные, храбрость которых возвысилась от присутствия этих союзников, облеклись, — говорит один арабский историк, — щитом победы и сделали несколько вылазок, при которых одержали верх над христианами. Крестоносцы несколько раз подступали к городу и были постоянно отражаемы. Стоя на бесплодной почве, они испытывали недостаток во всем: соседние поля были опустошены нестервными, и хлеб, уцелевший от истребления во время войны, был скрыт в подземельях, которых нельзя было открыть. Христианская армия готова была сделаться добычей всех ужасов голода. Между осаждающими вспыхнул раздор; в лагере крестоносцев только и говорили о вероломстве и измене;

христиане Сирии и христиане европейские не соединяли более своих сил при нападении на город. Вскоре узнали, что султаны Алеппо и Мосула появились с многочисленной армией: тогда совсем отчаялись овладеть Дамаском, и осада была снята». Таким образом, христиане, не испытав до конца своей твердости и своей храбрости, оставили после нескольких дней предприятия, к которому готовились все силы Европы и Азии. К числу замечательных обстоятельств этой осады принадлежит то, что Эйюб, родоначальник династии Эйюбидов, предводительствовал в то время гарнизоном Дамаска и имел при себе сына, молодого Саладина, которому суждено было впоследствии нанести столь тяжкий удар христианам и овладеть Иерусалимом. Старший сын Эйюба был убит при одной вылазке, и жители Дамаска соорудили ему мраморный памятник, который видели даже несколько веков спустя под стенами города.

Один престарелый мусульманский мулла, проведенный 40 лет в соседней пещере, был припужден оставить свое убежище и искать спасения в стенах, осажденных христианами. Он сожалел о своем уединении, нарушенном шумом войны, и горел желанием снискать пальму мученичества. Несмотря на возражения своих учеников, он вышел без оружия навстречу крестоносцам, нашел желаемую смерть на поле битвы, и народ Дамаска почтил его святым.

Если верить арабским историкам, духовенство не пренебрегало никаким средством для возбуждения энтузиазма в сподвижниках Христа. В одной битве, близ города, видели, как между двух армий выступил седовласый священник, на муле и с крестом в руках; он убеждал христиан удвоить храбрость и жар и обещал им, именем Христа, завоевание Дамаска. Мусульмане направляли в него все свои стрелы; крестоносцы теснились по сторонам, чтобы защитить его. Бой был живой и кровавый; наконец, священник, пронзенный стрелами, пал под кручей трупов, и христиане оставили поле битвы.

Большая часть арабских писателей и латинских хроникеров рассказывают об осаде Дамаска с разными подробностями; тем